

Цзянь Сунъи считал, что у Бо Хуая лучшие манеры во хмелю, какие ему только доводилось видеть.

Хотя пьяным тот кусался и капризничал, у него хватало ума помнить код от чужой входной двери. Он уверенно поднялся на второй этаж, безошибочно нашёл нужную спальню и даже умудрился выудить из целого шкафа чужих пижам самую дорогую и мягкую, без зазрения совести присвоив её себе.

Но стоило Бо Хуаю начать прямо перед ним расстёгивать пуговицы на рубашке — медленно, одну за другой, — как Цзянь Сунъи запоздало осознал: этот парень мертвецки пьян. Настолько, что начал откровенно хулиганить.

Заметив, что пальцы Бо Хуая уже скользнули к пряжке ремня, Цзянь Сунъи рванулся вперёд и перехватил его руку.

Бо Хуай слегка склонил голову набок и посмотрел на него с невозмутимой уверенностью:

— Ты чего?

— Это я хотел спросить, какого чёрта ты штаны снимаешь!

— А как иначе мыться? Или ты хочешь, чтобы я завалился в твою постель, благоухая перегаром?

— Мог бы делать это не у меня на глазах.

— Чего ты разволновался? Будто ничего там не видел.

Цзянь Сунъи показалось, что эта фраза звучит до боли знакомо. Настолько, что возразить было решительно нечего.

Совсем недавно в этой самой комнате кое-кто точно так же не выносил его вида без штанов, и сам Сунъи отбивался точно такими же словами.

Теперь, когда они поменялись ролями, он внезапно понял, почему Бо Хуай тогда в бешенстве хлопнул дверь.

Не раздумывая больше ни секунды, он распахнул дверь ванной, втолкнул туда Бо Хуая и с грохотом её захлопнул. Схватив свою пижаму, он поспешил в душевую на первом этаже.

Когда Бо Хуай расстёгивал ремень, полоска его пресса, уходящая под резинку белья,

показалась наружу так соблазнительно, будто он сделал это нарочно. Тот пьян и ничего не соображает, а вот сам Сунъи трезв — значит, нужно держать дистанцию.

Цзянь Сунъи нашёл своё поведение верхом благородства.

Когда он вернулся в спальню после душа, их повседневная одежда уже была аккуратно сложена и покоилась на вешалке. На прикроватной тумбочке стоял стакан с тёплой водой, а сам Бо Хуай крепко спал.

Он лежал на спине, укрывшись одеялом до самой груди. Дыхание было ровным и тихим. Чёрная шёлковая пижама слегка распахнулась на груди, отчего бледная кожа ключиц казалась почти прозрачной и хрупкой. Даже в таком расслабленном виде от него веяло благородной сдержанностью и строгим изяществом.

И как такого холодного, недостижимого человека он в последнее время умудрялся путать с коварным лисом-искусителем?

Цзянь Сунъи решил, что с его собственной головой явно творится что-то неладное.

Бо Хуай, при всей своей язвительности, всегда оставался истинным джентльменом. Ни во время его дифференциации, ни в разгар внезапного гона, ни когда под рукой не оказалось подавителей, он ни разу не воспользовался слабостью друга, честно выполняя долг верного товарища.

Значит, проблема точно во мне.

Наверное, после дифференциации под влиянием омежких гормонов он стал иначе воспринимать альф. Но Цзянь Сунъи не придавал этому значения — он прекрасно знал, что никогда не влюбится в альфу.

И дело было вовсе не в том, что ему нравились нежные, хрупкие создания — он вообще ещё ни разу не испытывал к кому-то романтических чувств и не знал своих предпочтений. Ему претила сама мысль о том, чтобы быть помеченным.

Поставить метку — значит заявить права собственности. А принадлежать кому-либо он не согласится ни за что на свете.

Но раз уж ни у него, ни у Бо Хуая не было подобных мыслей, то и глупо забивать голову условностями вроде разницы между А и О. В конце концов, за все эти годы у Бо Хуая ближе него никого не было, да и сам Сунъи мог безоговорочно доверять и капризничать только рядом с ним.

Рассудив так, Цзянь Сунъи небрежно взъерошил влажные волосы полотенцем, откинул одеяло

и забрался в постель. Выключив свет, он приготовился спать.

Осень ещё не успела полностью вступить в свои права, так что на кровати лежало всего одно одеяло. Ложась, он невольно задел плечом руку Бо Хуая.

Тот, кажется, приоткрыл сознание от этого прикосновения и что-то тихо пробормотал. Звуки были невнятными, Цзянь Сунъи не разобрал ни слова, но ему показалось, что прозвучало чьё-то имя. Сгорая от любопытства, он повернулся набок, склонился к самому лицу Бо Хуая и тихо спросил:

— Ты что сейчас сказал?

Сунъи надеялся выведать какой-нибудь секрет, пока тот не пришёл в себя, но Бо Хуай молчал. Разочарованно вздохнув, Сунъи уже собирался отвернуться и уснуть, как вдруг сквозь шорох одеяла до него донеслись тихие, обрывистые слова.

«Я скучаю»

«Я вернусь»

«Не злись на меня»

«Хорошо?»

Голос спящего звучал так нежно и надтреснуто-печально.

Бо Хуай тосковал по кому-то. Настолько сильно, что даже во сне пытался утешить эту таинственную душу и просил прощения.

Наверное, по той омеге, в которую влюбился в Бэйчэне.

Цзянь Сунъи внезапно уколола глухая обида. Надо же, какой неблагодарный предатель! Променил старого друга на любовь.

Ради будущей жены готов вычеркнуть его из своей жизни. А та, небось, ещё и запретит Бо Хуаю общаться с ним, потому что Сунъи теперь тоже омега. И Бо Хуай, конечно же, послушается её, наплевав на тринадцать лет их дружбы.

«Ну и скотина», — распалялся Сунъи, и в нём вскипело такое раздражение, что захотелось прямо сейчас придушить этого бессовестного гада.

Он в шутку занёс руки над его шеей, но стоило пальцам коснуться кожи, как Бо Хуай молниеносно перехватил его запястье.

Сила и скорость этого движения были чистым, доведённым до автоматизма рефлексом самозащиты.

У Цзянь Сунъи болезненно сжалось сердце. Насколько же уязвимым нужно себя чувствовать, чтобы даже во сне держать оборону и не расслабляться ни на мгновение?

Впрочем, чего ещё ждать от человека, который умудряется аккуратно складывать одежду, будучи мертвецки пьяным.

Жить в постоянном напряжении, не позволяя себе ни малейшей слабости — разве это не невыносимо тяжело?

Но как его в этом винить.

Цзянь Сунъи до сих пор помнил, как после ухода дяди Вэня весь дом Бо перевернулся вверх дном. По ночам в огромном особняке оставался лишь один шестилетний ребёнок, только что потерявший папу.

Тогда Сяо Сяосун часами просиживал у своего окна, следя, когда же погаснет свет в комнате напротив. Окна горели до тех пор, пока у него самого не начинали слипаться глаза.

Он догадался, что Сяо Сяохуай просто до смерти боится спать один, и со слезами и капризами вытребовал у родителей разрешение ночевать у него.

Кровать в детской была огромной, с мягкими защитными бортиками по краям. Два крошечных мальчика спали, прижавшись друг к другу.

Сяо Сяосун хотел обнять Сяо Сяохуая, как его самого обнимала мама, но его короткие ручонки никак не дотягивались до плеч друга.

Бо Хуай, чуткий даже в самом глубоком сне, мгновенно просыпался от любого прикосновения. Он испуганно хватал Сунъи за руку, но, узнав его, тут же расплывался в улыбке, поворачивался и крепко обнимал сам.

Вдвоём им спалось удивительно спокойно.

Спустя двенадцать лет всё повторилось.

Бо Хуай перехватил руку, занесённую для шутивого удара, медленно приоткрыл глаза и, скользнув взглядом по лицу Сунъи, слабо улыбнулся одними уголками губ. Не выпуская его запястья, он перевернулся набок, прижал Сунъи к себе и снова мгновенно погрузился в глубокий сон.

Он был слишком измотан, а алкоголь отзывался тяжёлой глухой болью.

Для Бо Хуая этот сон стал спасением.

Предыдущие разы, когда им доводилось ночевать в одной комнате, состояние Сунъи требовало постоянного контроля, и Бо Хуай не смел расслабиться ни на секунду, боясь упустить малейшие изменения.

Но теперь он наконец-то мог отпустить все заботы и позволить себе по-настоящему отдохнуть.

Сон его всегда был чутким. Часто, проснувшись от очередного кошмара, он выпивал стакан ледяной воды и ложился обратно, уповая лишь на удачу.

Эта привычка осталась с ним с четырнадцати лет, после переезда в Бэйчэн.

Все те три года самым страшным его кошмаром был один и тот же сон: его тщательно скрываемые чувства внезапно оказывались раскрыты перед Цзянь Сунъи.

И этот гордый, неприступный юноша смотрел на него с бесконечным отвращением и брезгливостью, бросая в лицо жестокие слова: «Бо Хуай, как же ты мне противен. Ты альфа, как ты мог влюбиться в меня? Мы же братья, как можно испытывать такое к собственному другу?»

После чего парень уходил, не оборачиваясь.

А Бо Хуай оставался один посреди бесконечной снежной пустыни, просыпаясь в холодном поту от пронизывающего одиночества и отчаяния, обречённый коротать остаток ночи наедине со своими мыслями.

Но сегодня всё было иначе. Стоило ему закрыть глаза, как серая мгла рассеялась, уступив место цветущему саду. Посреди безжизненных, бесплодных снегов распустились дикие розы — яркие, дерзкие, завораживающе прекрасные.

Он шёл к ним шаг за шагом, протягивал руки, чтобы обнять этот куст, и даже острые шипы, впивавшиеся в ладони, не причиняли боли.

К счастью, его роза оказалась на редкость жалостливой. Почувствовав боль, она тут же

спрятала свои шипы и ласково коснулась его ладони нежными лепестками, словно пытаясь утешить.

И его сердце переполнилось чистым, щемящим счастьем.

Но видение растаяло.

Сон закончился.

Наяву остался лишь Цзянь Сунъи, который крепко обнимал его за талию и уткнулся носом в шею, то и дело сонно ворочаясь.

Бо Хуай невольно усмехнулся. Похоже, эта привычка лезть обниматься во сне вовсе не была следствием гона — этот парень просто любил так спать.

Он попытался приподняться, но голова закружилась, и он снова рухнул на подушку.

Похмелье после вчерашнего давало о себе знать во всей красе.

Прошлой ночью он действительно перебрал лишнего. Он прекрасно понимал, что делает и говорит, но тело и разум отказывались повиноваться, из-за чего он позволил себе вольности, на которые никогда не решился бы на трезвую голову.

Например, укусил своего друга.

Или обманом заманил его к себе в постель.

А потом и вовсе устроил стриптиз прямо у него на глазах и проспал в его объятиях до самого утра.

Если его собственное нахальство можно списать на алкоголь, то покорность Цзянь Сунъи — исключительно на его феноменальную наивность.

Те, кто каждый день напропалую кричал о том, какой «брат Сун» крутой, независимый и истинно доминантный, вряд ли могли себе представить, что этот гордый и колючий котёнок в домашней обстановке превращается в мягкий, пушистый комочек. Стоит лишь немного приласкать его, как он позволит тискать себя часами, а если и царапнет разок-другой для приличия, то совсем не больно.

Хорошо, что Бо Хуай искренне любил его и оберегал, а не просто желал его тела, иначе от этой наивной омежки давно бы ничего не осталось.

Бо Хуаю безумно захотелось щёлкнуть его по носу, чтобы проверить, о чём он вообще думает, но стоило ему поднести руку, как Сунъи наморщил нос, недовольно завозился и нехотя приоткрыл глаза.

Увидев прямо перед собой лицо Бо Хуая, он сработал на чистом автоматизме: резко оттолкнул его и отпрянул к самому краю кровати.

Бо Хуай, чьи глаза ещё хранили утреннюю сонную нежность, мгновенно сменил выражение лица на привычно-ироничное:

— И что дальше по сценарию? Начнёшь визжать, влепишь мне пощёчину, а потом судорожно проверишь, на месте ли штаны, и потребуешь ответа, что я с тобой сделал этой ночью?

—...

Сценарий и впрямь казался подозрительно знакомым — Сунъи точно видел нечто подобное в каком-то глупом сериале.

Заметив его замешательство, Бо Хуай усмехнулся:

— Вообще-то, вчера напился я, а не ты. И обнимал меня с утра пораньше тоже ты. Я тут, понимаешь, держу себя в руках, а ты паникуешь. С чего бы вдруг?

Цзянь Сунъи почувствовал, что его загнали в тупик, но признавать поражение не собирался. Насупившись, он молчал с полминуты, после чего выдавил из себя грозное:

— Можешь не переживать, я пальцем тебя не тронул!

Бо Хуай не выдержал и негромко рассмеялся.

Только теперь до Сунъи дошёл весь абсурд ситуации. Он ведь омега! Что он вообще мог сделать с альфой? С его-то физическими силами устроить насилие над Бо Хуаем было задачей из разряда фантастики.

Поняв, что над ним откровенно издеваются, Сунъи вспыхнул от злости. Схватив подушку, он с силой обрушил её на лицо Бо Хуая.

Удушью этого гада!

Бо Хуай ленивым движением перехватил подушку.

Сунъи сдаваться не собирался. Он резко перемахнул через него, уселся верхом на бёдра Бо Хуая и, навалившись всем телом, принялся усердно вдавливать подушку.

Бо Хуай, который крайне трепетно относился к собственному имиджу, посчитал, что выглядеть нелепой жертвой удушения подушкой в утренней постели — это уж слишком. К тому же он боялся, что в пылу борьбы не рассчитает сил и случайно сделает Сунъи больно. Недолго думая, он нащупал на его талии самое чувствительное к щекотке место и безжалостно запустил туда пальцы.

Эффект превзошёл все ожидания. Сунъи мгновенно обмяк, потеряв всякую опору в пояснице, и без сил повалился прямо на грудь Бо Хуая.

Тот, воспользовавшись моментом, ловко перевернул его под себя, прижав к матрасу. Одной рукой он крепко зажал оба запястья Сунъи над его головой и, победно прищурившись, спросил:

— Ты решил превратить мой день рождения в поминки? За что такая немилость?

Сунъи сердито свёл брови:

— А ну быстро сплюнь! Тьфу-тьфу-тьфу!

— Что?

— Сплюнь, кому говорят!

Бо Хуай покачал головой:

— Ладно, ладно. Тьфу-тьфу-тьфу. Доволен?

— В день рождения нельзя говорить всякие гадости, — ворчал Сунъи, совершенно позабыв, что в этот самый момент его поза до боли напоминала незащитного котёнка, прижатого к разделочной доске.

Бо Хуай счёл это верхом несправедливости:

— То есть тебе пытаться удушить меня в мой праздник можно, а мне шутить нельзя?

Понимая, что крыть нечем, Сунъи моментально сменил тактику на самую безоружную:

— Ладно, я был неправ.

Бо Хуай удивлённо приподнял бровь.

Так просто? Сдался без боя? С каких это пор Цзянь Сунъи стал таким покладистым?

Стоило Бо Хуаю на секунду ослабить бдительность, как Сунъи ловко вывернул руки и со всей силы впился пальцами ему в подмышки и в бока, устраивая яростную контратаку:

— Драться и использовать щекотку?! Тоже мне, альфа выискался!

— Цзянь Сунъи, ну всё, тебе конец! Ты ещё и жульничать научился!

Бо Хуай, который и сам безумно боялся щекотки, бросился перехватывать его ладони, попутно пытаясь отомстить тем же оружием.

Они возились по всей кровати, задыхаясь от смеха и осыпая друг друга шутливыми ругательствами.

Но в разгар этой суматохи оба внезапно замерли.

И никто из них больше не посмел сделать ни единого движения.

<http://bllate.org/book/20583/2213878>